

УДК 902.034

СЕЙФ КОМИССАРА**Корчагин А.В.**участник экспедиций 1965-1973 г.г.
клуба подводного поиска «Садко»¹

Статья представляет собой выдержки из дневника экспедиций на эсминце «Фрунзе» клуба подводного поиска «Садко», который вел Анатолий Корчагин с 1964 по 1974 год. Материалы отредактированы и прокомментированы его сыном – Константином Корчагиным.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, эсминец «Фрунзе», клуб подводного поиска «Садко».*

Примечание редактора: Передо мной на столе лежит общая тетрадь в зеленом переплете – «Дневник экспедиций» клуба «Садко», который вел мой отец с 1964 по 1974 год. Открываю его на страницах, посвященных эскадренному миноносцу «Фрунзе». Края обтрепались, некоторые листы покособились, ровные ряды строк, написанные химическим карандашом, во многих местах размыты – следы от брызг морской воды: отец вел дневник в полевых условиях – на борту небольших в первое время экспедиционных корабликов, на которых зачастую негде было укрыться от непогоды, кроме как под брезентовым навесом. Читая о событиях 30-тилетней давности, можно встретить вещи, которые сейчас на первый взгляд могут показаться архаичными. Это касается в основном мотивации действий поисковиков – вся их работа была направлена на поиск и восстановление имен неизвестных моряков, павших в годы Второй мировой войны. И здесь нет ни капли лицемерия – те люди, о которых рассказывается ниже, слышали о войне не понаслышке: они встретили войну мальчишками, и некоторым из них не хватило всего лишь года-двух, чтобы попасть на фронт. Для них война была реальна, близка, и они чувствовали свой долг перед памятью тех, кто погиб, защищая их будущее. И сейчас, на основе этих дневниковых записей я хочу продолжить рассказ об истории подводного исследования эсминца 1-го дивизиона эскадренных миноносцев Черноморского флота – «Михаил Фрунзе».

¹ Редакция Константина Корчагина по материалам публикаций и рукописям Анатолия Корчагина.

Август 1965 года.

Двустворчатые ракушки-мидии облепили изъеденный морской водой металл. Их острые, словно бритва, створки, при неосторожном движении впиваются в оголенные пальцы, режут резину гидрокостюмов.

Звонким эхом в теле погибшего корабля отдается скрежет стальных решкетников и водолазных ножей. Сорванные моллюски гроздьями оседают на грунт. Почти в полной невесомости, повиснув возле высокого борта, трое аквалангистов усердно очищают от ракушек ржавый металл. Пузыри воздуха бурным каскадом вырываются из легочных автоматов и с шумом лопаются на поверхности. Глубина – 10 метров.

Вдруг решкетник за что-то зацепился. Сердце на миг замирает, и, совсем забыв об острых ракушках, пловец голыми руками очищает это место кормы корабля. В слабых лучах света блеснула большая звезда с серпом и молотом, а потом одна за другой появляются литые бронзовые буквы: «ФРУНЗЕ». Сомнений нет, мы находимся на эскадренном миноносце, погибшем в сентябре 1941 года.

Кормовая надпись названия эсминца².

Как это началось?

Шла война. Черное море пылало в огне, вздымалось горами от взрывов. Бывало, в схватке с врагом гибли и наши корабли. Много их устилает дно Черного моря. Опустились с ними на дно и моряки, принявшие последние сражения. О них мало прочтешь в мемуарах, имена же многих история не сохранила. Люди же должны знать о них – тех, кто сложил морскую славу страны.

² Сейчас бронзовые буквы названия эсминца «Фрунзе», звезду с серпом и молотом можно увидеть в Музее обороны Одессы – прим. ред.

В 1963 году была организована Первая подводная экспедиция по местам боев Черноморского флота. Инициаторами ее были киевские спортсмены-аквалангисты. Экспедиция нашла и обследовала монитор «Ударный» – флагман Дунайской флотилии. Были открыты имена многих членов героического экипажа. Тогда же начались поиски эсминца «Фрунзе», но они оказались тщетными. Продолжая дело киевлян, аквалангисты из Николаева летом этого года вышли во Вторую подводную экспедицию. Ее организовали областная секция подводного спорта и секция подводных исследований при клубе туристов.

Мы отошли от причала морского клуба Николаева на катере «ДОСААФ-204». Наш курс – по лиману к Очакову, а затем на юго-восток, к Тендровской косе.

Экспедиционное судно «ДОСААФ-204»³.

На мостике рядом с капитаном стоит кряжистый старик. Это наш проводник – старый рыбак Василий Ефимович Токовенко. Море для него – открытая книга.

– Вот здесь. Метров сто от зеленого буя, в сторону косы, – говорит он капитану.

Решено бросить якорь и начать поиск со шлюпки.

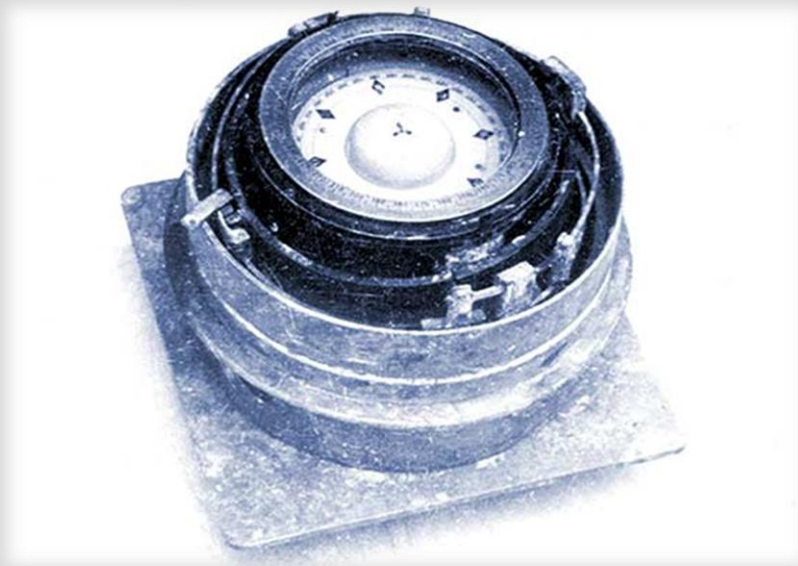
Снарядившись маской и ластами, прыгаю за борт. Холодная вода, словно тисками сковывает тело. Да, без костюма здесь долго не выдержишь! Видимость – 4-5 метров. Дна не видно. И вот, сквозь стекло маски вижу расплывчатые очертания какого-то предмета. Так и есть! Эта носовая часть затонувшего корабля! Обломки обросшего ракушками ржавого металла. В клюзах два больших якоря и повсюду обрывки сетей и канатов.

³ Этот бывший малый охотник, принадлежавший Николаевскому Морскому клубу, кажется, еще воевал в годы войны.

Смотрю на глубиномер. Над палубой он показывает 5 метров. Стрелой вылетаю на поверхность, и, отдышавшись, что есть силы кричу: «Это "Фрунзе!"»⁴.

Науктоуз с эсминца.

Александр Артамонов привычным поворотом головы приблизил маску к манометру. Всего 40 атмосфер. Маловато. «Буду реже дышать и еще протяну», – подумал он, и со своим неразлучным фотобоксом поплыл вдоль борта эсминца. В одном из провалов внимание аквалангиста привлекла тумба с колпаком. Втиснувшись в отверстие по пояс, он ощупал ее руками. Тумба оказалась деревянной. «Неужели нактоуз?!» – мелькнуло в уме. Водолазный нож разрешил все сомнения. Артамонов нащупал 127-миллиметровый магнитный компас! Со своей драгоценной ношей на последнем вдохе он поднимается на поверхность. Компас оказался совершенно целым и, хотя почти четверть века пролежал в воде, работал, между прочим, точнее нашего судового.

Компас с «Фрунзе»⁵.

⁴ Честь первооткрывателей «Фрунзе» среди числа непрофессиональных подводников клуб «Садко» склонен оставлять за собой, т.к. 1-ой Украинской экспедиции 1963 года отыскать эсинец не удалось. Если же говорить о профессиональных водолазных обследованиях, то нам известно, по крайней мере, несколько. Два из них были предприняты АСПТР в 1948 и 1952 годах. Ну, а самое первое обследование осуществили военные водолазы 24 сентября 1941 года с целью изъятия с «Фрунзе», мачты, надстройки и дымовые трубы которого выступали над водой, секретных документов. Тогда опустившийся под воду водолаз осмотрел каюту командира, другие каюты, штурманскую рубку, радиорубку. Но ничего не нашел. И только случайно по правому борту в районе мостика он наткнулся на туго набитую наволочку, к которой для тяжести были привязаны настольная лампа, увесистое пресс-папье. В этом узле и находились разыскиваемые документы. - прим. ред.

В кормовом кубрике.

Медленно двигаюсь над кораблем. Взрывом разметана вся центральная часть корабля, повалена огромная мачта, снесена боевая рубка. В диком хаосе искореженного железа угадывались детали и узлы судовых машин, разорванные трубопроводы, электрические кабели... До неузнаваемости обросшие ракушками, но все еще грозные стоят на уцелевших частях палубы 102-миллиметровые орудия главного калибра, с задранными вверх стволами, и направленные в сторону берега длинные желоба торпедных аппаратов. Повсюду валяются стреляные гильзы, говорящие о том, что корабль вел ожесточенный бой.

Проплываю над палубой. Вижу под собой зияющее круглое отверстие люка. Неужели это вход в кормовой кубрик? Пробую втиснуться в него, но где там с аквалангом!

Опускаюсь глубже. Скоро нахожу широкую пробоину. Включив фонарик, осторожно проплываю внутрь. Помещение обширное: луч фонарика не в состоянии пробиться до переборки. Каждое движение ласта поднимает целые тучи ила, и тогда приходится двигаться на ощупь.

Иллюминаторы закрыты бронекрышками. Их удалось открыть, и в кубрике стало светлее. Толстое стекло испещрено трещинами, но все же выдержало натиск взрывной волны.

Вдруг сверху послышался приглушенный, булькающий крик. Поднимаю голову, и вижу над собой светлое пятно люка, того самого, через который я пытался проникнуть сюда сначала. Ухватившись за его края руками и просунув голову, кто-то заглядывает внутрь. Да это же Артамонов! Он кричит, чтобы я выходил на поверхность.

Подаю Артамонову через люк два плафона с решеткой и плыву к выходу. В луче фонарика что-то блеснуло. И вот у меня в руке две слипшиеся вместе столовые ложки из нержавеющей стали. Когда позже ложки рассматривали ребята, кто-то воскликнул:

– Смотрите! Вот здесь фамилия!

Одна из ложек пошла по рукам, и каждый убедился, что на ней надпись: "ПОРТНОВ"...

Сентябрь 1970 г.

Его полукруглая корма темной громадой возвышается над песчаным барханистым дном. Винтов не видно – они засели глубоко в грунте. Едва заметны следы кормовой надписи: «ФРУНЗЕ» и контуры пятиконечной звезды. Слой мидий на этих местах был тоньше, да и размерами они были поменьше. Еще в первую экспедицию ракушки старательно соскребли, чтобы снять массивные литые буквы и кормовую звезду. Немного выше, на палубе,

⁵ Этот компас до сих пор находится в экспозиции клубного музея. - прим. ред.

свернутое набок 102-мм орудие, громадные кнехты, сдвинутая крышка круглого люка. Через четыре или пять метров палуба круто обрывается вниз. Там невероятный хаос из ржавого искореженного железа. Настоящие «металлические» джунгли. Вместе перемешались многочисленные трубы, кабеля, свернутые в спираль мощные швеллера-жесткости, рваные листы обшивки. И все это покрыто толстым слоем ракушек и бурыми низкорослыми водорослями. Время и морская вода довершили разрушения, причиненные бомбами, корпус во многих местах развалился на стороны. Бездонными кажутся громадные темные провалы в палубе. Видны холодные, мертвые котлы и машины корабля...

Анатолий (Копытченко) неторопливо и осторожно плыл среди обломков «Фрунзе». Заглядывал в каждую подозрительную щель, иногда проплывал под сохранившимися сводами палубы. Сейчас нужны напряженная внимательность и крайняя осторожность. Все предметы здесь потеряли привычные очертания и внешний вид. Очень легко не распознать и пропустить ценную находку. Часто попадаются стреляные гильзы и целые, неиспользованные снаряды. Боезапаса среди обломков сохранилось много... Повсюду торчат острые, как бритва листы металла. Такими их сделала коррозия. Многие тяжелые узлы арматуры держатся «на честном слове», готовые в любую минуту рухнуть. Об этом ни на секунду нельзя забывать.

Видимость под водой не велика – всего метра три-четыре. Ориентироваться нелегко. Стоит отклониться немного в сторону – и бесформенные глыбы металла растворяются в зеленоватом тумане. Корабль разрушен до основания, и трудно в клетках памяти соединить весь этот хаос в единое целое тело. Но сделать это необходимо, чтобы не искать впустую, надеясь на счастливую случайность.

Носовой кубрик и офицерские каюты разворочены взрывом и завалены упавшими обломками. Из якорных клюзов свесились звенья массивной цепи, тут же, присыпанные песком, лежат огромные, тяжелые якоря. Анатолий стал рассматривать развалины матросского кубрика со стороны левого борта. Неожиданно его внимание привлек выступающий из ила угол какого-то металлического ящика. Сверху он был загроможден изогнутыми трубами и кусками железа. От волнения чаще застучало сердце. Неужели, наконец, повезет? Руками стал разгребать ил и вдруг обнаружил в стенке ящика отверстие. Не без труда рука просунулась внутрь, и почти сразу же пальцы ощутили твердый предмет треугольной формы...

А в это время на «Дельфине»⁶ с нетерпением ожидали возвращения из-под воды Анатолия Копытченко – руководителя экспедиции и капитана судна. Его пузыри уже давно вспенивали поверхность на одном и том же месте. Второй день подводных поисков пока еще не принес ничего интересного. Все ходили

⁶ «Дельфин» – экспедиционное судно, которое долго принадлежало клубу «Садко».

хмурые и невеселые. Неужели на «Фрунзе» больше ничего не удастся открыть? Потому с такой затаенной надеждой ожидали выхода Анатолия. И вот из-под воды показался желтый шлем и маска. Он протянул руку, и все буквально замерли на месте. Наконец удача! Да еще какая! В руке Анатолий держал черный ремень с подвешенными на нем пистолетной кобурой и патронташем. Бесценную находку бережно приняли и положили на чистые листы фанеры. Анатолий еще на трапе снял маску, и устало улыбнулся. С его усов стекали капельки помутневшей от ила воды. В одно мгновение от унылого настроения не осталось и следа. Хмурые лица оживились и посветлели. Удача всегда воодушевляет. Сразу забыты и изматывающая качка, и холодная вода. Сейчас все были готовы ринуться в сырой полумрак корабельных лабиринтов с одной лишь целью: искать!

Анатолий Копытченко подает кобурку с револьвером комиссара.

Восемь членов экспедиции с замиранием сердца следили, как колдует над находкой Анатолий Копытченко и механик «Дельфина» Николай Николенко. Они осторожно вскрыли кожаную кобурку, и все увидели изъеденный коррозией револьвер системы «наган». Сталь стала настолько хрупкой, что даже крайняя осторожность не помогла. Револьвер распался на три части. Их старательно очистили от ржавчины и промыли в соляре.

Потом все снова сложили в единое целое. Барабан стал свободно вращаться, и из него вынули все семь патронов. Латунные гильзы 1937-38 годов изготовления были как новенькие. В кожаном патронташе на ремне сохранились шесть запасных патронов. Ящик, из которого Анатолий извлек личное оружие офицера, мог быть сейфом.

Вскрытие кобуры с револьвером.

Добывать сейф пошли втроем: Анатолий Копыченко, Николай Николенко, и автор этих строк. Это место нашли сразу, так как Анатолий привязал рядом ходовой конец – длинный капроновый канат, идущий от «Дельфина» к месту подводной работы. Ящик засел глубоко в песке, перемешанном с ракушкой и илом. Доступ к нему преградили обломки. Пришлось их выворачивать и оттаскивать в сторону. Теперь можно было применить захваченные с собой саперные лопатки и водолазные ножи. Наш шанцевый инструмент то и дело скрежетал о металл, и работа продвигалась медленно. Ящик даже не шевелился. Тучи черного ила заслонили все пространство. Работали на ощупь. Наконец с помощью лома сейф удалось выворотить. Когда рассеялась иловая завеса, мы увидели кубической формы ящик со сдвинутой в сторону дверцей. Его надежно увязали канатом и стали готовить к подъему. Анатолий привязал конец каната к резиновой перчатке, а потом надул ее воздухом. Подобно воздушному шару, она взмыла вверх, таща за собой канат. В посветлевшей воде мы тщательно исследовали то место, где лежал сейф. Это оказался матросский рундук с проломанной крышкой. Теперь нетрудно было представить, как попал сюда сейф. «Фрунзе» получил прямое попадание в носовую часть, где помещались офицерские каюты. Силой взрыва стальной ящик сорвало с переборки и через пролом в палубе бросило вниз, в матросский кубрик.

Стоило покопаться теперь в рундуке. Снова все вокруг окутал непроглядный мрак. Рылись в иле руками. Осязание сейчас заменяло зрение. Попадались остатки кожаной обуви, резиновые калоши, сапоги... Впоследствии в рундуке нашли еще пластмассовую пепельницу киевской фабрики. Больше там ничего не оказалось.

Сейф тянули все, кто был на палубе. Оказался он довольно тяжелым. В это время меня, вооруженного фотоаппаратом, взгромоздили верхом на

сигарообразный буй и отпустили на несколько метров от «Дельфина». Обхватив ногами скользкий железный конус, снимал подъем, рискуя в любую минуту свалиться в воду.

И вот сейф на палубе. С шершавых стенок стекает черная от ила вода. Все с волнением (не так уж часто попадают корабельные сейфы!) рассматривают мокрый стальной ящик. Он склепан из прочной 5-мм стали, перекошенная дверца образовала щель, и внутрь набились ил и ракушки. Снялась она легко. Внутри сейф разделен полкой на две равные части. Нижнее отделение полностью забито почерневшими бумагами, верхнее, где лежал револьвер, более свободно. Ил тщательно смыли чистой водой и поставили сейф на просушку.

Содержимое сейфа извлекли только в Николаеве. Бумаги уже достаточно просохли и приобрели достаточную прочность, но их снова... опустили в воду. В тазике с чистой пресной водой хорошо смывался ил, а листики легко отделялись один от другого. После этой операции их аккуратно сушили на горячей от солнца палубе. Это были тетради и блокноты, газеты и газетные вырезки. С неподдельным волнением и каким-то внутренним трепетом берешь в руки эти реликвии.

Заголовок газеты из сейфа.

Здесь конспекты по истории партии и политэкономии, высказывания В.И. Ленина, И.В. Сталина и основоположников научного коммунизма. Чернила расплылись и выцвели, но многое можно свободно читать. Вот экземпляры газеты «Красный Черноморец» за 19 мая 1940 года. Волнующие заголовки говорили сами за себя. В Европе бушевала Вторая мировая война. Пройдет еще год и ослепленный европейскими «блицкригами» Гитлер нападет на СССР. Вот экземпляр «Красного Черноморца» за 21 мая того же сорокового года с большой статьей, посвященной 55-летию со дня рождения Якова Михайловича Свердлова.

Самые ценные документы из сейфа, к несчастью, пострадали больше всего. Это протоколы партийных собраний и бланки для поступающих в партию. С трудом удастся прочесть только отдельные фразы. Нет сомнения, что сейф этот принадлежал политработнику. Политработником же, точнее комиссаром «Фрунзе» был батальонный комиссар Дмитрий Степанович Золкин.

После телевизионного рассказа о находках на «Фрунзе» в числе многих других писем мы получили и письмо от семьи комиссара Золкина. В городе Серпухове живет жена комиссара Анна Васильевна, а в Москве – две его дочери – Людмила и Тамара. В письме они рассказали о Дмитрие Степановиче, выслали единственное сохранившееся письмо отца, написанное незадолго до гибели 5.09.1941 года. Письмо это нужно было как образец, оригинал почерка комиссара. С его помощью удалось установить, что сейф, найденный на «Фрунзе», действительно принадлежал комиссару корабля Дмитрию Степановичу Золкину.

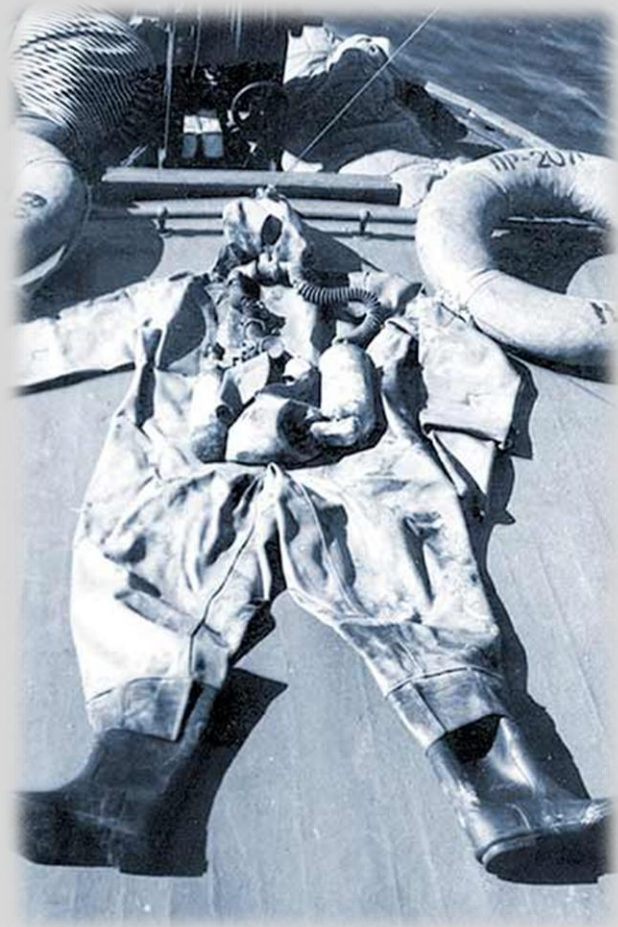
Находки в корабельной баталерке.

Удача с сейфом удесятерила энтузиазм. Количество находок стало быстро расти. И почти все они были сделаны Анатолием Копыченко. В экспедиции шутили: «У кэпа чутье на ценные находки!» сам же он объяснял это иначе: «Чутье здесь ни при чем. Нужно повнимательнее смотреть!» Анатолию помогала его бывшая профессия. Не один год он строил корабли, уходил с ними в плавание. Он досконально знал их устройство и потому легко ориентировался в лабиринте затонувшего судна. Если добавить сюда его дотошную внимательность к самым незначительным деталям, станет понятно, почему ему так «везло».

В тот день Анатолий как всегда задержался под водой несколько дольше других, а когда возвращался, все заметили, по частым выдохам, что тянет он что-то тяжелое. Ему помогли подняться на трап и вытащить на палубу его ношу. Это был резиновый противоипритный костюм и кислородный аппарат. Анатолий извлек все это через пролом в переборке, в районе все той же носовой части.

Анатолий Копыченко

Противоипритный костюм

...Мне предстояло продолжить поиск в новом месте. Белый капроновый канат (ходовой конец) уходил наклонно вниз. Подводная видимость была вполне удовлетворительной, если не считать массы взвешенных частиц и сотен полупрозрачных медузых тел. У самого дна стала донимать холодная, словно ключевая, вода. Стыли оголенные кисти рук. Невольно хочется делать более энергичные движения, но этого-то как раз и нельзя себе позволить – сразу поднимется муть. Пробравшись между беспорядочно торчащими обломками, осторожно подплыл к черной зияющей дыре в переборке. Скоро глаза привыкли к полумраку, и стало возможным рассмотреть, что же делается за перегородкой. Это было не очень большое помещение на две трети заполненное черным липким илом. В глубине видна часть длинного железного ящика, к нему сверху придавлена листом обшивки большая бобина киноленты. Извлечь ее оттуда оказалось делом нелегким. Повозиться пришлось немало, но, в конце концов, пленку вместе с остатками жестяной коробки удалось вытащить.

Баллоны за спиной не позволяли пролезть в отверстие, и пришлось работать, насколько позволяла длина рук. Чтобы не порезаться, я надел кожаную перчатку и запустив руку в ил по самое плечо. Пальцы сразу же нащупали что-то похожее на ремень. Потянул – и вытащил целый кислородный аппарат, потом еще и еще... Их здесь было много. Вот под рукой что-то эластичное и скользкое. Это «что-то» никак не хотело поддаваться. Пришлось упереться ногами в переборку и напрячь все силы. Стало жарко. Вдруг напряжение резко ослабело, и в облаке мути на меня навалилась какая-то бесформенная темная масса, придавила своей тяжестью и проплыла мимо. Когда ил рассеялся, я увидел под ногами объемистый резиновый мешок, из которого вывалилась пара резиновых сапог и свернутый противоипритный костюм. Мешок был полностью набит этим добром...

Резина в воде сохраняется прекрасно. Сапоги были совершенно новые. На ребристом нехоженом протекторе подошвы клеймо ленинградской фабрики «Богатырь» и год выпуска – 1937-й. Немало удивило нас и еще одно обстоятельство. Легированная сталь кислородных баллонов почти не подверглась коррозии и держала давление в 200 атмосфер! По крайней мере, на этой цифре остановилась стрелка манометра, когда мы открыли вентили. Все эти механизмы работали, хотя они три десятка лет пролежали в морской воде.

Последняя реликвия.

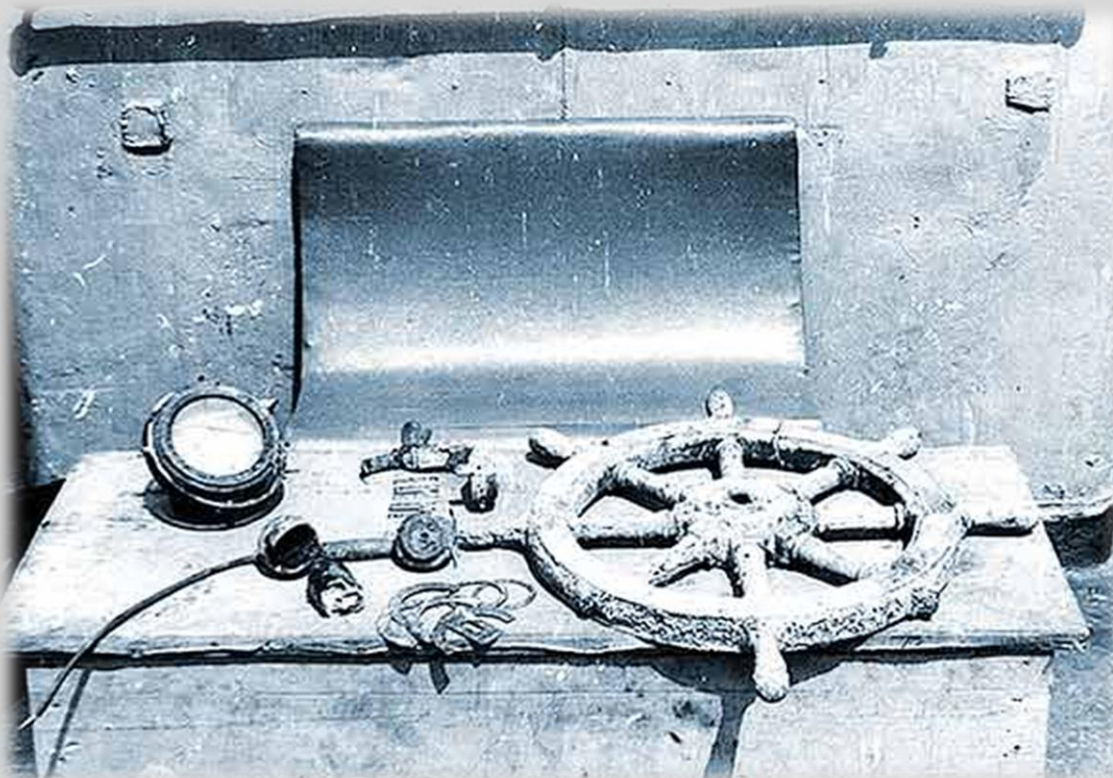
...Боевая рубка «Фрунзе» лежала на правом боку, на треть зарывшись в песок. Кроме узких иллюминаторов никакого входа внутрь не было. Видно, дверь находилась глубоко в грунте. Осматривая рубку, кто-то заметил на наклонной поверхности ходового мостика рулевую колонку. Рулевое колесо отсутствовало. Сохранились только полусгнившие остатки деревянных спиц.

Рулевую тумбу оторвало от палубы, но она прочно держалась на толстом бронзовом валу привода руля.

Эту ценную реликвию решили во чтобы-то не стало снять. Сейчас пространство вокруг рубки напоминало настоящую рабочую площадку. На песке лежали лопаты, ломы, кувалда, топор, ножовка. От «Дельфина» к «Фрунзе» протянулись капроновые канаты. Работали парами по очереди. С воздухом стало туго. Наш компрессор забарахлил и «едва дыша» набивал в баллоны не более 4-5 десятков атмосфер, а этого хватало на несколько минут работы.

Сначала 30-миллиметровый вал пилили ножовкой, но скоро единственное полотно вышло из строя. И тогда принялись за кувалду и топор. Тяжелым молотом били по обуху топора, но металл поддавался плохо. Работа была изнурительной, ведь размахивать кувалдой в среде в 800 раз более плотной, чем воздух, непросто. Несколько раз, любопытства ради, к работающим людям вплотную подплывали огромные скаты-хвостоколы, чем немало обеспокоили подводных молотобойцев. Да и понятно – удар ядовитого хвоста метрового «морского кота» может причинить большие неприятности...

Работающие пары сменялись одна за другой. После упорных трудов тяжелую бронзовую тумбу удалось отделить от палубы и поднять на поверхность. На борту «Дельфина» ее почистили, и металл заблестел на солнце.

Штурвал эсминца "Фрунзе", компас, телефонная трубка и фрагменты машинного телеграфа⁷.

⁷ Сейчас штурвал должен находиться в Музее обороны Одессы - прим. ред.

Глубинные смены.

Через 18 дней после окончания экспедиции нам вновь удалось продолжить работу. Мы пришли на «Фрунзе» всего на три-четыре дня, используя выходные и отгулы. Был сентябрь, но погоды выдалась на славу. Днем над морем стояло летнее тепло, и почти не было надоедливых ветров.

В этот раз запаслись достаточным количеством «консервированного» воздуха, к тому же захватив с собой грунтосос.

Первым делом решили проникнуть в боевую рубку. Утром под воду отправилась первая пара, вооруженная большим зубилом, кувалдой и инструментом, похожим на знаменитую «гусиную лапу». Аквалангисты осмотрели рубку, попробовали прочность металла и выбрали наиболее уязвимое место. Таковым оказался лист в нижней палубе рубки (в полу), который стоял теперь вертикально. Начали пробивать обшивку между ребрами жесткости. Сталь была толстой и прочной, но все же пробили отверстие в 30 миллиметров. Первую пару сменила другая. Они расширили отверстие до ста миллиметров. Новая пара – еще на сто, потом еще... Работа была очень тяжелой и заняла почти два дня. Наконец, вырубленный по контуру лист отогнули и получили отверстие 50x60 сантиметров. Внутри черная пустота и неизвестность. Помещение было очень небольшим. Сразу же натолкнулись на какой-то ящик. Комом к горлу подступило волнение. Неужели?... Но это была всего лишь аккумуляторная батарея. Потом вытащили наружу телефонный аппарат, детали радиоаппаратуры, плафон... С рулевой машины сняли деревянный штурвал. Он не проходил в вырубленное в днище рубки отверстие, и его пришлось распилить на части и в таком виде подать наружу. Никаких бумаг найти не удалось.

Еще сейф!

Его отыскал общепризнанный «счастливец» Анатолий Копыченко. Он в паре с Владимиром Шкуратовским вел поиск в районе офицерских кают. Эта часть корабля уже настолько обхожена, что все кажется знакомым и привычным. Но это чувство обманчиво. Надо смотреть и смотреть. В этот раз на борту «Дельфина» почти все подводники были с солидным стажем и опытом. За годы занятий подводным делом побывали на многих затонувших кораблях. Сегодня последний день пребывания на «Фрунзе», но ничего ценного найти так и не удалось. Больше всех по этому поводу, пожалуй, переживал Толя Копыченко. Но он и впрямь был счастливым на находки. Заглянув под огромный лист корпусной стали, он обнаружил «свой» второй сейф. Опять закипела работа. Валерий Аполлонов и Николай Дмитриев вместе со Шкуратовским и Копыченко с помощью рычагов и подпорок с невероятными усилиями подняли тяжелый лист. Застроповать ящик было делом нескольких минут. И вот новый сейф на палубе «Дельфина». По размерам он несколько

меньше первого. Две полки внутри забиты тугими пачками бумаг. Сохранились они относительно неплохо. Очень многие документы свободно можно читать. Хорошо сохраняются в воде тексты выполненные типографским способом, отпечатанные на машинке (в том числе через копирку), и написанные простым карандашом. Все содержимое сейфа аккуратно извлекли и разложили на солнце для просушки (на этот раз сохранность бумаг позволила это сделать сразу).

Трешка из сейфа начфина.

Кроме документов в сейфе оказалась крупная сумма советских денег 1938 года выпуска. Вот они лежат потемневшие от ила, с размочаленными краями пачки купюр по три, пять, тридцать рублей. В пластмассовой тарелочке – горсть «серебряных» и медных монет. Они блестят как новенькие. Все мелкие и твердые вещи из сейфа, облепленные липким илом до неузнаваемости, мыли, как моют золото. И на диво, действительно его отмыли. Желтыми лучами сверкнул на солнце продолговатый «кирпичик» золотых швейцарских часов на браслете. Металл браслета – не золото, но, судя по его сохранности, принадлежит к числу стойких сплавов... Таким образом были отмыты хронометр и несколько бухгалтерских штампов.

Но самое ценное в сейфе, разумеется, документы. А было их много. Здесь ведомости на выдачу денег, где перечислены фамилии всего личного состава «Фрунзе», командировочные удостоверения, воинские проездные литеры. А вот отрывные талоны на перевозку багажа и других воинских грузов по железной дороге с гербовой печатью Э/М «Фрунзе» (она отлично видна). Крупными

буквами напечатано: «НКО через ГОСБАНК». А внизу підписи: «Командир, Комиссар Э/М «Фрунзе» Черноморського флоту». По документах можна прослідкувати всі переміщення і зміни в особистому складі корабля. Почти всі вони підписані командиром і комісаром «Фрунзе». І всюди фамілії, фамілії...

Внаслідок, після ретельної відборки і укомплектування всі цінні документи з сейфів були приведені в необхідний для зберігання порядок і передані в Центральний Воєнно-Морський архів в Гатчині. Фотокопії ж залишилися в клубному архіві. Всі цінні речовинні реліквії стали експонатами музеїв в Севастополі і Николаєві.

Сентябрь 1971 года.

...Протяжні і печальні гудки родилися і поплили над залитим сонцем Чорним морем. Катер зовсім замедлив ходу. Він майже зупинився. На палубі, у фальшборту вистроїлася безмовна шеренга загорілих молодих людей. Чорноволоса жінка повільно опускає на воду великий букет живих квіток...

Тамара Золкіна (2003 г.)

Давно утвердилась на морі ця суворова і свята традиція. Так моряки віддають дань пам'яті погиблим кораблям і погиблим морякам. Тут на дні покоїться рештки ескадреного міноносця «Фрунзе».

Тамара Дмитрієвна Золкіна з хвилюванням дивиться на сині втегаючі хвилі. На цьому місці сражалася і загинув її батько – комісар корабля, Дмитрій Степанович Золкін... Недавно вона заклала перший камінь в пам'ятник погиблим морякам «Фрунзе». Тепер його можна побачити з

моря. Він стоїть на підвищеному місці пустинної Тендровської коси, у якій прийняв свій останній бій есмінець.

Пам'ятник цей строгий і скромний. К увінчаному бронзовою зіркою семиметровому шпилью прислонений важкий розлапистий якорь. Товста ланка обвиває веретено і стелиться по дикому граніту, яким обрамлено бетонне підставлення. Рівна площа навколо біліє великою морською ракушкою. На лопаті якоря табличка з нержавіючої сталі. На ній слова: «Морякам есмінця «Фрунзе», погиблим в боях за Родину». Все це садківці зробили за своєю ініціативою і своїми силами. А почався пам'ятник... з дна моря.

...«Фрунзе» за своїми розмірами і водоісміщенням був досить солидним кораблем, і якоря на ньому були теж дуже і дуже солидними... Але це зрозуміли пізніше, коли піднімали один з якорів вагою в 1700 кг. А поки Юрій

Дмитриевич Криницький хозяйским, боцманским взглядом осматривал место предстоящей работы. На флагмане клубной флотилии ВРД «Искатель» он выполнял обязанности боцмана и во всем любил порядок. Подводная видимость была вполне удовлетворительной, если не считать массы взвешенных частиц и множества полупрозрачных медузых парашютов.

Взрывом якорь правого борта выбросило из клюза, и он лежит, глубоко зарывшись в песок. Покрытая слоем мелкой ракушки якорь-цепь в воде кажется особенно массивной. А ведь нужно ее перепилить... Громадные бычки – местные рыбаки зовут их кнута́ми – без страха смотрели на водолаза и нехотя перебирались на другое место, когда он почти касался их рукой.

Часть цепи необходимо сохранить вместе с якорем (в таком виде якорь станет основой памятника), и поэтому Криницький принялся резать звено у самого клюза. Кованая сталь поддавалась туго, да и ножовочное полотно было не из лучших... Дыхание поневоле становилось частым и давление на манометре уменьшалось на глазах. На помощь пришли еще два аквалангиста. Пока Юрий Дмитриевич одолевала последние миллиметры цепного звена, якорь застроповали и подготовили к подъему.

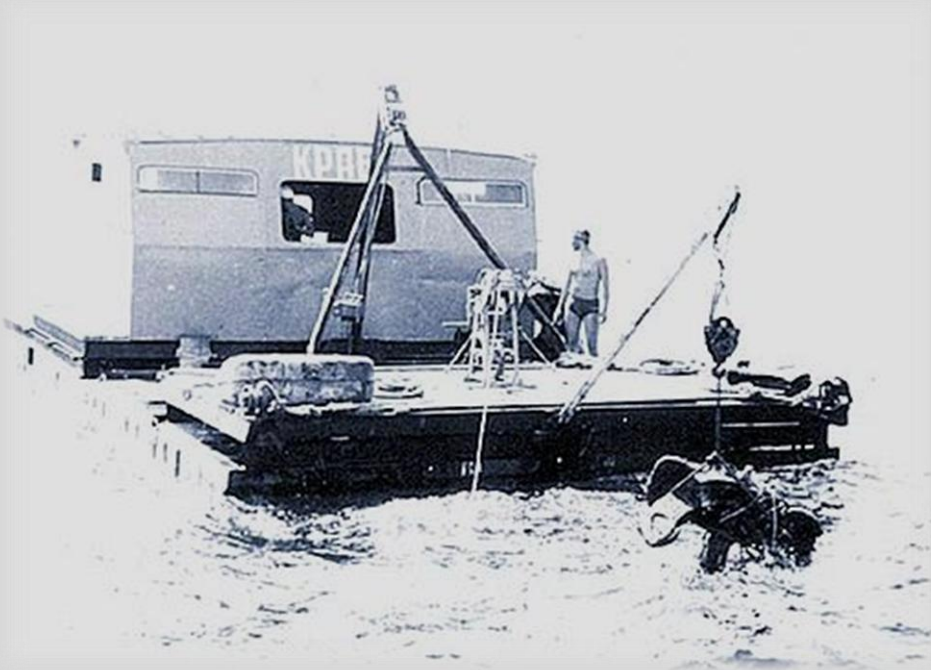
Плашкоут «Краб»⁸ встал над носом «Фрунзе». Заработала лебедка «Краба», трос натянулся, и освобожденный от песка, якорь навсегда расстался с кораблем.

Небольшой строительный отряд садковцев с этого дня принялся за работу. На экспедиционном катере «Искатель» из Николаева возили на Тендру гранит, бетон, цемент, арматуру. Пошел в ход и местный материал – ракушка и песок. Ребята работали с душой и сил не жалели. Приезжали сюда в выходные дни, и даже дождь и шторм не были помехой. За короткое время памятник был готов.

Памятник «Фрунзе»

⁸ «Краб» – обладающий большой плавучестью понтон, снабженный грейфером и мощной грузовой лебедкой. Был полностью построен руками садковцев и долго служил экспедиционным целям.

Подъем «Крабом» якоря «Фрунзе»

«Тяжеловесные» реликвии.

...Ствол одной из кормовых пушек главного калибра сорвало с тумбы-лафета, и он вертикально застрял в грунте у самого борта. Эту пушку решили поднять и передать Очаковскому музею. Орудийная тумба прикреплена к палубе шестнадцатью шпильками диаметром 24 миллиметра. Здесь аквалангистам пришлось изрядно повозиться. Большие покрытые тридцатилетней коррозией гайки закипели намертво. Окисные наросты тщательно сбивали топором, а потом с помощью ключа и кувалды по миллиметру откручивали гайки. Работа была медленной и крайне утомительной. Наконец все гайки отданы – можно поднимать.

Ствол 102-миллиметрового орудия длиной 6,2 метра весит 6 тонн. Грузовая лебедка «Краба» уверенно выдержала это испытание, но при попытке положить ствол на собственную палубу создался критический крен на один борт. Стало ясно, что груз не удастся положить на палубу. Но не бросать же на дно с таким трудом добытую реликвию...

Решили транспортировать ствол в Очаков, подвешенным прямо под днищем плашкоута. Другого выхода не было. «Искатель» буксировал «Краб» лагом – борт к борту. С этой «ношей» ему предстояло пройти 40 миль. Ночью море разволновалось. Висящий под водой орудийный ствол, стал раскачиваться подобно маятнику и настойчиво бить в днище «Искателя». Это грозило большими неприятностями...

Сыграли тревогу. Михаил Коновалов одевает акваланг. Ох, как не хочется сейчас погружаться в холодную и беспокойную ночную воду! На ощупь, в

полной темноте, он надежно закрепил эту тяжеловесную реликвию. Опасность миновала. Утром пушку благополучно выгрузили в очаковском порту. Теперь она является самым крупным экспонатом здешнего исторического музея.

102-мм орудие главного калибра эсминца «Фрунзе»
на территории Морской школы в Николаеве⁹.

Летом 1973 года Севастопольский музей Краснознаменного Черноморского флота обратился к клубу с просьбой произвести подъем реликвий с кораблей погибших в годы Великой Отечественной войны. После демонтажа пушек на минзаге «Колхозник» и мониторе «Ударный» суда флотилии «Искатель» и «Дельфин» снова бросили якоря на «Фрунзе». Рядом и вспомогательные средства – плашкоут «Краб» и грузовой понтон «Диоген».

На море штормит, но здесь, на глубине, спокойно и тихо. Волны остались где-то над головой. О них можно судить только по переменному натяжению ходового конца идущего от «Искателя» к последней пушке главного калибра. Длинный ее ствол, обросший бородами водорослей, немым истуканом простерся над палубой. Снова откручиваем неподдающиеся гайки, выбиваем цапфы, удерживающие ствол на тумбе-лафете.

⁹ Орудие сразу после подъема – еще не окрашено. Впоследствии было перенесено на открытую демонстрационную площадку возле Музея судостроения и флота по ул. Адмиральской. На заднем плане лежит фок-мачта эсминца «Фрунзе». Установлена на территории Морской школы, где находится до настоящего времени.

Жестокий шторм помешал работе. Суда флотилии разбросало по морю, но они с честью выдержали это испытание. Когда море успокоилось, снова вернулись на место работы.

И вот подъем новой реликвии начался. Ствол идет под углом в 45 градусов. И вдруг трос соскакивает с блока и «засекается», заклинивает. Теперь груз нельзя ни опустить на грунт, ни поднять выше. Остается одно – буксировать «Краб» с пушкой и «Диоген» в Тендровский залив, где как раз проводит работы большой плавкран. Только он может теперь помочь. Но, как назло, снова портится погода. Волна достигает полутора метров, и ствол начинает угрожающе раскачиваться. С трудом успели дотащить плашкоут до мелкого места и заякорить его на висящей снизу пушке.

На другой день понтоны отбуксировали к плавкрану, и ствол уложили на «Диоген». Поднять тумбу-лафет уже не составило труда, если не считать, что при подъеме она развалилась на две части, и пришлось снова идти под воду для остроповки. Сейчас эти орудия с нержавеющей табличками на них установлены на открытой демонстрационной площадке Николаевского Музея судостроения и флота рядом с орудиями «Колхозника», «Ударного», и «Байкала».

Корчагін А.В. Сейф комісара.

Стаття є витягами із щоденника експедицій на есмінець „Фрунзе” клубу підводного пошуку „Садко”, який вів Анатолій Корчагін з 1964 по 1974 рік. Матеріали відредаговані і прокоментовані його сином – Костянтиним Корчагіним.

Ключові слова: Велика Вітчизняна війна, есмінець „Фрунзе”, клуб підводного пошуку „Садко”.

Korchagin A.V. The commissar's safe.

The article is an extract from the diary of expeditions to the destroyer “Frunze” of the club of submarine search “Sadko” which was conducted by Anatoliy Korchagin from 1964 to 1974. Materials are edited and commented by his son Konstantin Korchagin.

Keywords: Great Patriotic war, destroyer “Frunze”, club of submarine search “Sadko”.